

L. Maksimovich, J. E. Trivan

BYZANTINE HERITAGE AND SERBIAN ART. 3 VOLS.

Belgrade, 2016. 203, 630, 252 p.
ISBN 978-86-519-2004-5

УДК 82-95 (7.03)
DOI: 10.31802/2500-1450-2019-34-312-319

Монументальное трёхтомное издание на английском языке «Византийское наследие и сербское искусство» под редакцией Любомира Максимовича и Елены Триван позиционируется его составителями и как история сербского искусства, и как учебное пособие по этому предмету. Составители этого труда ставили целью проследить творческое взаимодействие сербского искусства с культурным наследием Византии в историческом и сущностном контекстах на протяжении двенадцати веков. Авторы надеются, что именно такой подход позволит им прийти к правильному пониманию путей, динамики, природы и результатов этого взаимодействия. Издание делится на три тома, а каждый том, в свою очередь, состоит из тематических разделов, соответствующих хронологии и проблематике.

Первый том, под редакцией Весны Викич, называется «Процессы византинизации и сербская археология» (Processes of Byzantinization and Serbian Archaeology). Он состоит из предисловия редактора, которое относится ко всем трём томам, трёх тематических блоков и аппендикса, включающего хронологию, библиографию, список авторов со сведениями о них. Тематические блоки посвящены трём периодам в истории Сербии, которые имеют характерные черты, отразившиеся в градостроительстве и материальной культуре.

Первый блок «Византинизация в археологическом контексте» включает в себя статьи по общим теоретическим вопросам византийского наследия и интерпретации его сербами в Средние века на основании археологических данных.

Второй блок охватывает XI-XIII вв., он называется «Адаптация моделей: византийские форты и сербские протогородские центры».

В нем анализируются результаты раскопок городов Морава, Браничево и его пригородов.

Третий блок «Византийские истоки и европейские течения: формирование национального стиля в художественных ремёслах» посвящён XIV–XV столетиям с присущей этому времени проблематикой. Здесь рассматриваются сербские средневековые монеты, их идеологический и политический посыл и делается вывод о том, что сербские правители позиционировали себя подобно, скорее, европейским королям, чем византийским василевсам. Надгробия, археологический текстиль и украшения из погребений позволяют выявить знаки принадлежности к знати у средневековых сербов. Выявляются византийские прототипы для сербской глазурованной керамики и готические влияния на произведения сербских художественных ремесел.

Второй том под названием «Сакральное искусство сербских земель в Средние века» (*Sacral Art of the Serbian Lands in the Middle Ages*) под редакцией Драгана Воеводича и Даницы Попович — самый объёмный, а материал, представленный в нём, наиболее проработан с научной точки зрения. Стоит сказать, что он наиболее соответствует задаче, стоящей перед изданием. Хронологически второй том представляет собой частично параллель первому тому, однако охватываемый им временной промежуток шире и дополнен поствизантийским периодом (XV–XVII столетиями). Том разбит на хронологические и тематические блоки, которых насчитывается шесть.

Вводный блок называется «Культурные пространства и священные структуры» (*Cultural spaces and sacral frameworks*). В нём очерчена проблематика исследований данного тома. Это, во-первых, положение сербских земель на границе разных культурных миров, о чем пишет Драган Воеводич. Во-вторых, рассмотрены хитросплетения культурных взаимоотношений Византии и Сербии и ставится важнейший вопрос о сербской аутентичности. Также речь здесь идёт и об обратной тенденции: о сербских ктиторах византийских церквей и обитателей. Изучается распространение ромейской культуры на запад и север Европы, причём Сербия выступает в роли культуртрегера.

Ряд статей посвящен богослужебной и богословской проблематике: литургической основе сербского и византийского религиозного искусства, почитанию сербами общехристианских святых и формированию местного пантеона, особенностям почитания реликвий и реликвариям в средневековой Сербии.

Первый тематический раздел носит название «На западе Византийской империи: в поисках идентичности» (*In the West of the Byzantine Empire: on a quest for identity*). Раздел охватывает временной промежуток с IX по XII в. Здесь рассматривается начало художественной активности в сербских землях в IX–XI столетиях и поиски своих, уникальных решений в XII в., в том числе этап становления сербских иллюминированных рукописей, а также возникновение и развитие погребального комплекса для основателя династии — монастыря Студеница, ставшего краеугольным камнем церковной и государственной идентичности сербов.

Второй раздел — «Достижение независимости и обретение идентичности: на руинах Византии» (*Achievement of independence and finding an identity: on the ruins of Byzantium*) — посвящён монументальным ансамблям XIII столетия, искусству монументальной живописи с ее великими ансамблями Милешева, Богородицы Левишки в Призрене, росписи в Печской патриархии, Мораче, Сопочанах, Арилье. Делается вывод о том, что в XIII в. зарождается национальная живописная школа на основе ученичества сербов у греков, исполнивших большинство этих стенописей. Также в этом разделе идёт речь о стилистической сложности архитектуры и скульптурном убранстве Рашки XIII в. Представлена характеристика тематических программ в сербской монументальной живописи этой эпохи. Дополняет картину сербского XIII в. статья «Эхо древнего христианского Востока в сербском искусстве конца XII–XIII веков», посвящённая рукописям и их перемещениям.

Третий раздел — «Соревнование с восстановленной Византийской империей: эпоха динамичной византизации» (*Competing with the restored Byzantine Empire: an epoch of dynamic byzantinisation*) — включает разнообразные материалы: глобальные характеристики сербского искусства от начала XIV в. до падения государства Неманичей, статьи о модели власти в Сербии (1299–1371), о ктиторах-аристократах в Сербии, публикации по более частным вопросам, связанным со стилистическими течениями в искусстве. Завершает раздел текст о новом государственном образовании на юге и новой династии Мрнявчевичей.

Четвертый раздел — «Подъём в северных и западных регионах: новые века византийского стиля в искусстве» (*Ascent in the northern and western regions: new centres of Byzantine-style art*) — раскрывает тему поствизантийского искусства в сербских землях Лазаревичей и Бранковичей, Балсичей, Косачей и Црноевичей, в Моравской Сербии; предлагает характеристику идеологии и искусства новых сербских

династий, а также рассказывает о книжной иллюминации Сербии позднего Средневековья (1371–1459).

Пятый раздел «В тени битвы за выживание: искусство после потери церковной и государственной независимости» (In the shadow of a struggle for survival: Art after the loss of state and Church independence) освещает судьбы сербского искусства в первые века османского владычества. Дается общая характеристика, рассказывается о покровительстве династии Бранковичей Фрушкогорским монастырям, раскрыты особенности декора сербских печатных книг XV–XVI вв.

Последний, шестой, тематический раздел называется «Христианское теократическое государство внутри исламской империи: великое пост-византийское возрождение» (Christian theocratic realm within an Islamic empire: a great post-byzantine renewal). Здесь рассматриваются: искусство возобновленного Печского патриархата (1557–1690), сознательная опора на старые традиции в обновленной церковной практике; сербская иконопись на территории под юрисдикцией возобновленного патриархата; иллюминация сербских рукописей XVI и XVII вв.; сербское церковное ювелирное искусство XVI и XVII вв.; появляющиеся персоналии художников-универсалов на примере Лонгина и, наконец, мусульманские влияния на сербское искусство в период османского владычества.

Завершает второй том приложение, включающее хронологию событий, библиографию и список авторов с информацией о них.

Третий том — «Воображая прошлое: восприятие Средних веков в сербском искусстве XVIII–XXI века» (Imagining the past. The reception of the Middle Ages in Serbian art from the 18th to the 21st century) под редакцией Лидии Мереник, Владимира Симича и Игоря Борозана — охватывает широчайшую тематику, через которую, несмотря на сменяющиеся друг друга стили и направления, уже более трех веков проходит рефлексия на тему православного средневековья — истории, полной святости, героизма и трагизма и действительно очень сложной и запутанной. Том состоит из трёх частей, отражающих состояние сербского искусства и архитектуры в XVIII, XIX и XX — начале XXI в.

Первый раздел повествует о судьбах сербского барокко: «От традиции к истории: составление карты прошлого в искусстве XVIII столетия» (From tradition to history. Mapping the past in 18th century art). В статье «Образ прошлого как исторический аргумент» обозначена проблематика раздела. Другая статья повествует о восприятии Средневековья в сербском барокко. Разумеется, не обойдено вниманием продолжавшее существовать традиционное церковное искусство. Также

в разделе речь идёт о древней иконописи и её роли в религиозном возрождении сербского королевства во время австрийского правления 1718–1739 г., об иконостасах Славонии с точки зрения соотношения византийского наследия и сербского искусства при украинских влияниях, связанных с православной теологической школой Киево-Могилянской академии и работой украинских художников на Балканах. Исследуются нюансы церковной политики, анализируется восприятие Средневековья в литературе сербского Просвещения.

Второй раздел — «Реконструкция Средневековья в сербском искусстве XIX века» (*The imaginary reconstruction of the Middle Ages in 19th century Serbian Art*) — открывается статьей «Между свидетельством и воображением. Формирование традиции и искусство на службе сербской монархии XIX века» о роли изобразительного искусства в официальной идеологии. Эту тему продолжает текст о популяризации Средневековья и идее возрождении Золотого века в сербской культуре середины XIX столетия. Огромную роль в этом процессе сыграл художник и фотограф Анастас Йованович, запечатлевший в своих произведениях ряд исторических лиц и событий.

Несколько статей посвящены восприятию мистического прошлого в творчестве сербских символистов: Джордже Крстича, Марко Мурата и Стефана Алексица». Анализируются разные типы и проявления неовизантийского компонента в сербской архитектуре на протяжении длительного периода времени, от романтизма до высокого и позднего историзма начала XX в.

В этом же разделе утверждается, что многие феномены XIX столетия относительно культурного возрождения и осмысления себя сербами перекочевали и в XX в., оставаясь актуальными первые два столетия. «Длинный XIX век» завершился в межвоенный период, и идея древнего сербского искусства смешалась с византийским культурным концептом. Это легло в основу научного обоснования сербовизантийского стиля. Сменившаяся элита иначе видела прошлое и, естественно, будущее.

Продолжается тема репрезентации власти с использованием образного арсенала и языка Средневековья. Так, в королевском дворце соединились современные интерпретации и идеализированное прошлое, выражающееся в средневековых по стилю каменной резьбе и образах идеального правителя. Старые символы, вплетенные в новую программу, объединение в рамках этой программы византийского

и сербского наследия — все это вместе утверждало новую сербскую идентичность во имя желаемого будущего.

Третий раздел под названием «Идентичности современного и новое Средневековье в сербском искусстве XX и XXI веков» (Identities of the modern and New Middle Ages in Serbian Art of the 20th and 21st centuries) завершает издание, давая понять, что при всем разнообразии сменяющих друг друга тенденций диалог со своим средневековым наследием в сербском искусстве продолжается.

Выдвигается тезис о византийском наследии в сербском современном искусстве, куда входит и искусство с религиозной и исторической тематикой, и собственно церковные художества, которые продолжают существовать и обогащаться за счет новых открытий об искусстве Средневековья. Отмечается, что важным фактором в развитии современного сербского искусства является 2-й Международный конгресс византинистов в Белграде в 1927 г.

Анализ сербской архитектуры XX в. обозначает ее концептуальные полюсы как ностальгию и утопию, подчеркивая, что на протяжении XX в. средневековое национальное наследие продолжало оставаться для сербских архитекторов источником вдохновения. Статьи этого раздела посвящены творчеству Александара Томашевича (1921–1968), художника, вдохновлявшегося сербским средневековым искусством, никогда при этом не копировавшего памятников, работам Милеты Проданович и Зорана Гребенаровича, уподобленным новому Средневековью, творчеству Седомира Васича, сербским художникам в Косово и Метохии — Светомиру Арсичу и Зорану Фуруновичу. Также предлагается историографический обзор основных трудов по осмыслению культурного наследия. Наконец, сербская иконопись XX в. удостоилась специального очерка. Таким образом, оказались охвачены все варианты диалога и взаимодействия сербского искусства с собственным прошлым.

Завершает том приложение с картами Югославии и Сербии, хронологическим списком основных событий, библиографией и списком участников со сведениями о них.

Однозначным достоинством трёхтомника является широчайший охват материала, разнообразная проблематика и стремление к полноте представленного материала. Он не похож на традиционные учебники истории и истории искусства, выстроенные по хронологическому принципу, но структура каждого тома представляется ясной и прозрачной и обусловлена большой сложностью и дискретностью материала.

Статьи написаны в основном на высоком научном уровне высококлассными специалистами, одни имена которых говорят сами за себя, например: Весна Викич, Драган Воеводич, Драгана Спасич-Джурич, Даница Попович, Миодраг Маркович и другие. Кроме того, в них представлены свежие материалы последних исследований, в том числе по хорошо нам известным памятникам, а также совершенно новые открытия, в частности, по раскопкам Браничева. Сама по себе идея публикации — история сербского искусства — раскрыта в большей степени материалами второго тома.

В этом разнообразии статей, материалов и подходов несколько потерялась Сербия как таковая, а именно это ожидает увидеть читатель в книге о сербском искусстве. Мы читаем в основном о византийском стержне цивилизации (с чем точно никто и никогда не станет спорить), о разнообразных влияниях романского и готического Запада и исламского Востока и даже, на определённых этапах, — Украины. Возникает закономерный вопрос о взаимодействии с другими соседями, например с той же Венгрией. Но темы эти раскрыты неравномерно не в силу разной значимости их для истории сербского искусства, а в силу выбора исследователями тем для своих изысканий. Другими словами, проработка материала очень неравномерная. С великим сожалением можно констатировать, что чётко артикулированной концепции того, что такое сербское искусство, у составителей нет. Книга воспринимается как выстроенный набор текстов о сербском искусстве и архитектуре, а также по смежной проблематике. Иначе и не могло быть просто потому, что материалы, вошедшие в книгу, готовились и презентовались в рамках конгресса византинистов на английском языке, одном из рабочих языков конференции. Логично, что в результате появилось очередное нечто между византийским Востоком и латинским Западом, но ведь таким же способом можно описывать и Кипр, и Ближний Восток при крестоносцах, и Болгарию, и молдовалашские княжества, Венгрию, и, не побоимся этого слова, Древнюю Русь, а также Украину и Белоруссию (хотя как государства они появились лишь в 1990-х годах) и, конечно же, Речь Посполитую. Результат будет таким же. Рассматриваются лишь памятники, основа (византийская, латинская, языческая, какая угодно) и влияния (латинские, мусульманские, византийские и т.д.). Эти претензии в наибольшей степени относятся к первому тому, в наименьшей — ко второму. Третий том представляется самым «сырым», что вполне простительно, учитывая свежесть самого материала, для глубокого осмысления которого ещё не прошло достаточно времени.

Подчеркнём, что причина этого именно в постановке задачи. Перед авторами не стояла задача осмысления именно сербского искусства как феномена, и за это их нельзя винить, потому что задача у них была совсем другая. Такой подход тоже правилен и возможен, вспомним хотя бы «Византийские фрески в Югославии» Воислава Джурича (русское издание: М., 2000). Он писал о фресках, считая их частью византийского искусства на территории всей огромной Югославии, и назвал свой труд в соответствии с этим концептом. Вот почему к сути национального сербского искусства ничего нового добавлено не было, кроме того, что своя национальная традиция у сербов, безусловно, была, а также имелись свои нужды, под которые они творчески перерабатывали византийскую основу и западные влияния. Как именно это происходило, можно прочесть во втором искусствоведческом томе, наиболее полном и проработанном. Например, особенности планировки монастырских комплексов — эллипсовидный или круглый план.

Всё же не вполне логичным представляется деление томов, хотя, повторимся, это может быть обусловлено сложностью материала как такового. Оно следует одновременно тематическому и хронологическому принципу: первый том представляет собой сборник материалов по средневековой археологии и градостроительству (XI–XV вв.), второй посвящён истории сербского средневекового искусства и архитектуры от истоков до конца XVII столетия, третий — истории сербского искусства с XVIII по XXI в., когда оно радикально изменилось по сравнению со Средневековьем и поствизантийским периодом.

Так или иначе, труд отражает новый этап в осмыслении сербскими учеными своей культуры и искусства, попыткой осознать и уловить его суть и динамику развития, что, безусловно, очень ценно. Выбранный для издания английский язык обеспечит труду широкую известность и читаемость. Хочется надеяться, что в будущем выйдут труды подобного масштаба, задуманные изначально как история сербского искусства, и, может быть даже, как в старые времена, на сербском языке.

Юлия Николаевна Бузыкина